

Отметим, что пункт 40 Статута Суда ЕАЭС позволяет относить к компетенции Суда ЕАЭС иные споры, которые предусмотрены соответствующими межгосударственными соглашениями. Для реализации такой инициативы требуется заключение протокола между государствами – участниками ЕПК (то есть договора Союза с третьей стороной согласно статье 2 Договора).

Компетенция Суда ЕАЭС по разрешению споров и вынесению консультативных заключений в настоящее время активно реализуется на практике. При этом вслед за развитием материального правового регулирования сферы защиты интеллектуальной собственности на постсоветском пространстве требуется актуализация компетенции Суда ЕАЭС. В данной сфере ее возможно проводить путем расширения списка органов, уполномоченных на обращение в Суд с заявлением о разъяснении, а также через установление возможности обжалования решений Евразийского патентного ведомства в Суде ЕАЭС.

УДК 340.1

СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Т. Н. Нешатаева

*Доктор юридических наук, профессор,
судья Суда Евразийского экономического союза,
заведующий кафедрой международного права
Российский государственный университет правосудия
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
E-mail: tneshataeva@gmail.com*

Аннотация: статья посвящена толкованию как деятельности суда по установлению содержания норм права для их единообразной практической реализации. Задача толкования – конкретизация, актуализация и модернизация абстрактных правовых предписаний применительно к конкретным жизненным обстоятельствам, как правило, в спорных ситуациях. К судебному толкованию обращаются в тех случаях, когда ситуация разночтений привела к

развитию конфликта в общественных отношениях. Отсюда у суда двойная функция: истолковать право определенно, конкретно, разумно; разрешить спор конкретных обратившихся к нему лиц. Судебное толкование призвано не только выяснить содержание нормы как элемента правовой системы, но и определить, как она должна быть применена в конкретных условиях дела о споре, которые всякий раз специфичны и различны. Это позволяет считать судебное толкование разновидностью правотворчества: создание правила для конкретного случая путем толкования системы права как единства правовых предписаний. Суд обязан, соединяя естественные и позитивные предписания, «отыскать» правило для конкретного случая и вынести решение, которое урегулирует не абстрактное, но конкретное общественное отношение. Впоследствии, возможно, такое решение вольется в общий поток судебной практики, и она станет единообразной, подобное судебное правило послужит созданию новых или отменит устаревшие правовые предписания: судебная позиция послужит делу развития права. Виды толкования – грамматическое, телеологическое и логико-систематическое, историческое – являются определяющими и применяются последовательно при судебном толковании в каждом конкретном случае. Автор анализирует практику применения различных видов и способов толкования на примере деятельности Суда Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: толкование норм права; виды толкования; способы толкования; расширительное толкование; ограничительное толкование; судебная позиция; Суд Евразийского экономического союза.

JUDICIAL INTERPRETATION

T. N. Neshataeva

Russian State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, 117418, Russia

E-mail: tneskataeva@gmail.com

Annotation. The article is devoted to the issue of interpretation as activity of the court to establish the content of the rules of law for their uniform practical implementation. The task of interpretation is to concretize, actualize and modernize abstract legal norms in relation to specific life circumstances, as a rule, in contentious situations. Judicial in-

interpretation is applied in cases where the situation of inconsistencies has led to the development of conflict in social relations. Hence, the court has a double function: to interpret the right definitely, specifically, reasonably; resolve the dispute of specific persons who have addressed to him. The judicial interpretation is intended not only to clarify the content of the norm as an element of the legal system, but also to determine how it should be applied in the specific conditions of the case, which are specific and different. This allows us to consider the judicial interpretation a form of law-making: creating a rule for a particular case by interpreting the legal system as a unity of legal prescriptions. The court is obliged, combining natural and positive precepts, to “find” a rule for a particular case and make a decision that will regulate not an abstract, but a specific social relation. Subsequently, it is possible that such a decision will flow into the general stream of judicial practice and it will become uniform, such a judicial rule will create new or nullify outdated legal prescriptions: a judicial position will serve the cause of the development of law. Modes of interpretation – grammatical, teleological and logical-systematic, historical – are determining in nature and are applied sequentially in the judicial interpretation in each case. The author analyzes the practice of applying various modes and methods of interpretation on the example of the activities of the Court of the Eurasian Economic Union.

Key words: interpretation of a rule of law; modes of interpretation; methods of interpretation; broad interpretation; restrictive interpretation; judicial position; Court of the Eurasian Economic Union.

Толкование норм права в доктринальном смысле зачастую называют видом искусства¹. С негативным оттенком подобный взгляд находит подтверждение и в фольклоре – русской поговорке «Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло». «Поворачивает» тот, кто толкует, а значит, от искусства толкователя зависят жизнь и действенность права, ибо толкование в первую очередь связано с мышлением, мыслительным, познавательным процессом.

«Толкование – деятельность по установлению содержания правового акта для его практической реализации»². Цель толко-

¹ Лукашук И. И. Международное право в судах государств. СПб.: Россия – Нева, 1993. С. 155.

² Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 290; Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. С. 5.

вания – установление смысла, содержания нормативного правового акта определенно, ясно, чтобы он был понятен широкому кругу лиц. Толкование как деятельность является элементом как познания, так и практики, элементом правоприменительного процесса. Складывается толкование: а) из уяснения содержания нормативного предписания, б) его разъяснения. При уяснении толкователь раскрывает содержание предписания для себя, при разъяснении лицо, толкующее норму, выражает свое понимание внешне.

Толкование как совокупность уяснения (для себя) и разъяснения (для других) – необходимая стадия регламентации общественных отношений. Правило поведения субъектов общественных отношений, выраженное в праве, получает разъяснение о том, как оно должно применяться. Таким образом, толкование связывает нормативно-правовую регламентацию общественных отношений с реальностью, с применением нормы в действительности. Являясь последним этапом формирования абстрактного права, толкование одновременно – и первый этап его применения.

Зачастую разные субъекты общественных отношений одно и то же правило (норму) используют по-разному, понимая его неодинаково. Так складывается неединообразное понимание одной и той же нормы. Правило одно, но практика его применения различная, и порой она отличается совершенно противоположными подходами. В таком случае возникает ситуация, при которой общественные отношения регулируются не единственным предписанием (правилом), но множественностью вариантов прочтения этого предписания. Закономерно предположить, что в подобной ситуации регулирующая роль предписания нивелируется, исчезает, а иногда оно вовсе заменяется на противоположное.

Официальное толкование правового акта призвано устранить этот недостаток и вернуть предписанию единое, единообразное понимание и, как следствие, должно привести к действительной урегулированности общественного отношения.

Разнотчения правовых предписаний обусловлены, во-первых, многообразием языковых смыслов одного и того же термина и, во-вторых, своеобразным использованием юридических смыслов известных терминов. Например, все классифицирующие термины, используемые в настоящем исследовании, имеют несколько словарных значений:

- вид: тип, понятие, входящее в состав другого³;
- метод: способ познания, прием, образ действия⁴;
- способ: образ действия, прием⁵;
- правило: определенная закономерность, установка, норма поведения⁶;
- принцип: исходное положение, руководящее положение, основное правило⁷;
- последовательность: непрерывное закономерное следование одного за другим, логическая обоснованность⁸.

Однако юридический смысл приведенных терминов определяется специальными правовыми знаниями, позволяющими выделить из лексических значений лишь одно, имеющее юридический смысл. Так, для юриста «правило» будет означать норму поведения субъектов общественных отношений. Правовой нормой признается правило поведения, имеющее обязательный характер. «Предписание» будет означать часть – как правило, диспозицию – правовой нормы. «Принцип» в юридическом смысле означает императивную норму, имеющую в иерархии права руководящее значение (*jus cogens* в международном праве), отклонение от которой невозможно, а любое правило, противоречащее такой норме, ничтожно и не действует.

Таким образом, толкование обусловлено 1) формой словесно-документального изложения содержания правовых предписаний: как при любой форме речи требуется понимание знаковой системы (здесь толкование права похоже на толкование в других областях – литературе, истории и т. д.) и 2) нормативным, специально-юридическим выражением этого содержания (воля создателя норм выражена на языке права с использованием специальных терминов и конструкций, поэтому для применения нужно использование специальных знаний). Последнее определяет и другое значение понятия «толкование» – научная деятельность по уяснению и разъяснению содержания права.

³ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1. С. 172–173.

⁴ Там же. Т. 2, С. 261.

⁵ Там же. С. 230.

⁶ Там же. Т. 3. С. 352.

⁷ Там же. С. 428.

⁸ Там же. С. 317.

Тем самым толкование права – это универсальная познавательная деятельность, включающая элементы искусства и науки: на основе научно-юридических знаний необходимо выявить элементы правового правила, а затем искусно довести их до сведения широкого круга лиц. Толкование должно приводить к обнаружению и конкретизации смысла и нормативного содержания правовых предписаний применительно к определенным общественным отношениям, сложившимся в конкретное время и в конкретном месте. Норма права, применяемая к этим отношениям, содержит, как правило, предписания абстрактного характера, возникшие возможно, совершенно в иное время.

При толковании необходимо норму права скорректировать (внести определенность, уточнить смысл нормы), актуализировать (оживить и осовременить, приспособить к новым условиям), а порой – модернизировать (изменить в части). Поэтому еще одна задача толкования (помимо конкретизации) – заполнение пробелов в правовом порядке применительно к конкретной временной ситуации – модернизация (актуализация) права. «Согласно более точному определению понятия, толкование охватывает не только точное определение содержания написанных слов и предложений, но и сверх того еще задачу заполнения пробелов в правовом порядке»⁹.

Таким образом, задача толкования – конкретизация, актуализация и модернизация абстрактных правовых предписаний применительно к конкретным жизненным обстоятельствам, как правило, в спорных ситуациях.

Право применяется множеством лиц: гражданами, хозяйствующими субъектами, органами государства. Однако двуединая функция толкования права (уяснение – разъяснение) присуща не всем, а лишь некоторым из официальных органов, применяющих право. Наиболее важное из толкований – судебное. К судебному толкованию обращаются в тех случаях, когда ситуация разночтений привела к развитию конфликта в общественных отношениях: возник спор не только о смысле правила, но и о порядке его применения. Отсюда у суда двойная функция:

⁹ *Anweiler J.* Die Auslegungsmethoden des Gerichtshofs der Europäischen Gemeinschaften. – Frankfurt am Main, 1997. P. 40.

- истолковать право определенно, конкретно, разумно, т.е. таким образом, чтобы сложное правило стало ясно для каждого разумного обывателя¹⁰;

- затем разрешить спор конкретных обратившихся к нему лиц с применением всего спектра принуждения этих лиц к соблюдению права в его судебном истолковании.

Судебное толкование призвано не только выяснить содержание нормы как элемента правовой системы, но и определить, как она должна быть применена в конкретных условиях дела о споре, которые всякий раз специфичны и различны. К этим различиям необходимо подобрать (создать) правила, вытекающие из правовых предписаний, наиболее для них подходящие.

Последнее и позволяет считать судебное толкование разновидностью правотворчества: создание правила для конкретного случая путем толкования системы права как единства правовых предписаний. Со времен Древнего Рима судебное толкование, основанное на едином понимании права как сочетания естественных (соответствующих природе) и позитивных (предписанных властью) правил, предполагает, что в праве не может быть пробелов, ибо в том случае, если позитивное право не содержит правила для конкретного случая, его следует отыскать в праве естественном, из которого проистекают императивные нормы – правовые принципы (справедливость, равенство, добросовестность)¹¹. Суд – искусный толкователь – обязан, соединяя естественные и позитивные предписания, «отыскать» правило для конкретного случая и вынести решение, которое урегулирует не абстрактное, но конкретное общественное отношение.

Впоследствии, возможно, такое решение вольется в общий поток судебной практики, и она станет единообразной, подобное судебное правило послужит созданию новых или отменит устаревшие правовые предписания: судебная позиция послужит делу развития права.

При судебном толковании важно выделять два слоя: внешний и внутренний. *Внешний слой* – это грамматическая форма право-

¹⁰ Здесь необходимо отметить, что требования определенности и разумности правовых предписаний существуют с Древнего Рима и в настоящее время в региональных системах, например, в Европейском союзе, выступают уже в качестве императивных принципов права, однако их до сих пор классифицируют как правила толкования (см.: *Шустров Д.* Принципы конституционного толкования // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. №1. С. 107–132).

¹¹ Ульпиан в D.1.1.1.2-4.

вого предписания, использующая специальные юридические термины. Для исследования этого слоя важны специальные филологические и юридические знания. *Внутренний слой* – телеологический – наиболее значим и порой трудно уловим: в этом слое скрывается цель правового предписания – урегулирование общественных отношений строго определенным образом для достижения социально значимой цели. Для выяснения цели правового регулирования необходимы исторические и политико-социологические знания: для того, чтобы оба слоя правового предписания были выявлены, необходимо установить логико-систематические связи толкуемого предписания с иными нормоположениями правовой системы.

Таким образом, *судебное толкование* как один из видов познания, соединяющий восприятие фактов спорного правоотношения и абстрактного мышления, основанного на теории (и философии) права, позволяет выявить смысл правового предписания в его привязке к применению в конкретном случае общественного конфликта (спора), проявившего недостатки словесного и юридического оформления правовой нормы. В этом смысле судебное толкование – результат специального вида познания, при котором происходит уяснение а) смысла правовой нормы и б) круга обстоятельств, породивших конфликт в общественных отношениях. Затем суд а) разъясняет содержание правового предписания и б) очерчивает предписанное поведение для конкретных спорящих лиц (решение) или отвечает на поставленный ими вопрос (заключение).

Особо следует отметить, что суд облачает свое толкование в различные акты: общего характера (решение, заключение) или индивидуальные (особые мнения судьи/судей). Юридическая характеристика акта (обязательный или рекомендательный) особое значение имеет лишь для второй функции – предписывания поведения субъектам процесса. Для первой функции – разъяснения права – рекомендательный или обязательный характер акта значения не имеет: судебная позиция, выраженная в любом из указанных актов, имеет значение лишь при ее правовой определенности и разумности.

Итак, *виды толкования* – *грамматическое, телеологическое и логико-систематическое* – являются определяющими и применяются, на наш взгляд, последовательно при судебном толковании в каждом конкретном случае.

«Грамматическое толкование определяет содержание нормы исходя из ее речевой формы, т. е. смысла и связи слов, из которых она состоит»¹².

Обычно при грамматическом толковании соблюдается определенная последовательность методов (способов) применения нормы: 1) предпочтение надо отдавать тому смыслу нормы, который более правилен по своей грамматической форме; 2) семантическому значению слова следует отдавать предпочтение перед этимологическим в случае их коллизии; 3) широкому смыслу слова принадлежит преимущество перед узким; 4) специально-юридическое значение слова должно иметь приоритет над обыденным.

С грамматического прочтения правила начинается любой судебный процесс. Затем для достоверного вывода о содержании закона грамматическое толкование должно быть выверено толкованием телеологическим и логико-систематическим.

Телеологическое толкование правовой нормы производится с позиции достаточного основания (принцип, требующий, чтобы для всякого суждения было приведено достаточное основание его истинности) – это в первую очередь уяснение ее содержания исходя из цели правового регулирования. Суду прежде всего необходимо уяснить, зачем норма создавалась, какова ее цель, в каких случаях эта цель достижима и относится ли к ним спорный случай.

Логико-систематическое толкование выясняет действительное содержание правовых норм путем исследования их места в той или иной правовой системе, т.е. за счет выяснения структурных и функциональных связей между различными нормами, правовыми институтами, правовыми актами. При этом логическое толкование имеет своим предметом связь содержания различных норм, а систематическое толкование есть определение содержания их связей.

Последовательность при логико-систематическом толковании может быть следующей: 1) норме придается тот смысл, который соответствует ее положению в системе права, установленному законодателем; 2) специальная норма имеет преимущество перед нормой общего характера; 3) нормы источника права, обладающего большей юридической силой, имеют приоритет в применении.

¹² Смирнов А. В., Манукян А. Г. Толкование норм права. М.: Проспект, 2008. С. 25, 30, 43, 65, 71, 81.

Логическое толкование предполагает выяснение смысла правовой нормы путем сопоставления ее содержания с содержанием других норм действующего права. Здесь в судебном процессе используются законы формальной логики (тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания), логические операции (анализ и синтез, построение силлогизмов и т. д.)

В теоретических исследованиях о судебном толковании выделяются также и дополнительные виды толкования: исторический, социологический, доктринальный¹³.

Историческое толкование направлено на выяснение действительного смысла и значения правовой нормы путем сравнения их с содержанием других норм, имеющих тот же самый предмет, т.е. регулирующих аналогичные общественные отношения. При историческом толковании особо важна последовательность в мышлении: 1) новая норма отменяет старую – *lex posterior derogat priori*, 2) уважение законодательных изменений (если норма была изменена, то нельзя толковать ее так, будто она все еще подразумевает прежнее содержание); 3) следует принимать во внимание те исторические условия и обстоятельства, в которых нормы действуют и которые воздействуют на понимание их содержания субъектами правореализации.

К дополнительным видам толкования относятся:

– доктринальное толкование – это разновидность неофициального толкования правовых норм, состоящая в выяснении их смысла, исходя из принципов и положений юридической теории¹⁴.

– социологическое толкование направлено на выявление содержания правовой нормы исходя из предположения о той практической цели, которую мог преследовать законодатель при ее установлении.

Все описанные виды толкования выработаны многовековой практикой, поэтому судебное толкование опирается на общую теорию и практику толкования. Древний опыт толкования отражен в ряде основополагающих правил, берущих начало еще в Древнем Риме: толкование должно быть разумно, полезно, реально для правоприменения¹⁵. Последнее означает, что толкование

¹³ Смирнов А. В., Манукян А. Г. Толкование норм права. М.: Проспект, 2008. С. 65, 71, 81.

¹⁴ Применение доктринального толкования предусмотрено подп. d) п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН.

¹⁵ Lex est dictamen rationes. Lex non praecipit inutilia. Lex non intendit aliquid impossibile.

не должно быть формальным: следуя букве, необходимо учитывать намерение сторон, их цели, а также специфику объекта правового регулирования, равно как и динамику развития общественных отношений.

Как уже указывалось, виды и входящие в них способы толкования универсальны: на протяжении веков они используются как международными, так и национальными судами. Прежде всего и те, и другие суды толкуют позитивные правовые предписания – правила, закрепленные в законах и международных договорах.

Согласованные веками правила толкования получили закрепление в норме международного права, кодифицирующей все названные выше правила-обычаи (предписания, возникшие на практике) в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Следует отметить, что в ней получили обобщение наиболее распространенные правила толкования. Правило императивного характера гласит: «Договор должен толковаться добросовестно (подчеркнуто мной. – Т.Н.) в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора» (п. 1 ст. 31 Венской конвенции). Кроме того, нормы должны толковаться как элемент системы (п. 3 ст. 31 Венской конвенции).

В конечном итоге получили закрепление следующие *обще-принятые виды толкования*, которые следует применять последовательно:

- 1) грамматико-юридический (термины, значение слов, знаков);
- 2) телеологический (цели, ценности);
- 3) системный (место, иерархия);
- 4) историко-социологический (контекст: преамбула, приложения, практика применения).

Использование необходимых видов толкования должно привести к точному раскрытию содержания правового предписания, позволяющему применить (реализовать) его к конкретным правоотношениям. Результат толкования – определенность, точность, отсутствие двойных смыслов в написанных буквами словах (буквальное прочтение). Однако судебное толкование различается по объему: толкование может выявить лишь один смысл понятий (буквальное толкование), но может и расширить объем понятия, добавив к нему какие-либо дополнительные признаки (расширительное толкование), либо сузить этот объем, объявив эти признаки несущественными (ограничительное толкование). Но расширительное и ограничительное толкования не меняют смыс-

ла нормы, а только определяют объем содержания, уже заложенного в ней. Объем определяется по букве предписания, его цели и месте в системе. На практике зачастую при формировании нормы употребляются термины (слова), не позволяющие читать предписание точно, ясно, определенно. Толкователь исправляет этот недостаток. Отсюда закон – это то, что сказал суд: «Кто бы ни обладал абсолютным правом толковать любой писанный или неписанный закон, именно он является настоящим законодателем»¹⁶.

Попробуем определить, что стоит за каждым из видов толкования при применении его на практике.

С грамматического толкования начинается каждый судебный процесс по определению единообразного применения норм права. Способом (методом) грамматического толкования является уяснение значения слов в соответствии с общим или специальным употреблением, в том числе использованием данного слова в конкретной норме. В случае отсутствия определения термина в преамбуле или в самом нормативном правовом акте для установления его общего смысла используются словари и общие правила грамматики. При этом важно помнить, что термином могут охватываться как основные объекты правового регулирования, так и дополнительные.

В качестве примера обратимся к спору, рассмотренному в Суде Евразийского экономического союза (далее – Суд). В деле по заявлению ООО «Шинтрейд» рассматривался вопрос о понятии «судовой двигатель» применительно к его классификации по единой Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС). Термин «судовой двигатель» охватывает как понятие «двигатель» (приводит в движение судно), так и «осветитель» (дает свет). Ограничительное или расширительное толкование этого понятия может привести к различной классификации товара согласно ТН ВЭД ЕАЭС и, следовательно, к необходимости оплачивать различные суммы таможенных пошлин за ввоз товара – судового двигателя.

Однозначных терминов в правовых текстах не встречается, что исключает буквальное их прочтение. Кроме того, буквальное прочтение порой приводит к усилению формализма, противоречащего динамичности экономического оборота: в нашем случае формальное прочтение нормы привело к необходимости оплачивать пошлину по повышенной ставке, а при отсутствии средств – к

¹⁶ Gray J. The Nature and Sources of the Law. 2 ed. 1921. P. 102.

приостановке поступления двигателей и, как следствие, прекращению строительства судов на российских судоверфях.

Итак, судовой двигатель – это движитель или осветитель. С точки зрения грамматики – и то, и другое. Грамматическое толкование представляет собой лишь первый шаг на поле толкования, границы которого очерчиваются иными способами. Важнейший из них – телеологическое толкование, позволяющее установить цель, с которой создавалась норма права. Сначала здесь важно установить субъективную волю создателей нормы с учетом исторического момента. В этих целях используются документы, сопутствующие созданию нормы: протоколы, аутентичные тексты, позиции сторон и т. д. В том случае, когда такие документы недоступны, воля выводится объективно из актов, свидетельствующих о ее применении. При этом важно учитывать интересы субъектов правоотношения по поводу объекта регулирования в момент применения нормы.

С этой позиции ТН ВЭД ЕАЭС невозможно воспринимать в отрыве от Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 г. (далее – Конвенция), цель которой – упорядочить движение товаров, не ограничивая товарооборот. Конвенция предусматривает, что судовой двигатель – движитель ввозится по пониженной ставке таможенной пошлины, в то время как иной двигатель – осветитель – по повышенной. Но и в нормах Конвенции ничего не сказано о тех двигателях, которые выполняют обе функции. ТН ВЭД ЕАЭС помещает такие двигатели в разряд «иные». В результате фирмы, ввозившие двигатели с двойной функцией и вынужденные платить повышенную пошлину, не согласились с подходом таможенных органов и обратились в Суд, утверждая, что подобное толкование противоречит Конвенции о Гармонизированной системе и ограничивает товарооборот.

Решить вопрос о двойной функции понятия «судовой двигатель» Суду удалось окончательно лишь после добавления к грамматическому и телеологическому видам толкования систематического. В системе норм о классификации товаров терминология «судовой двигатель, приводящий в движение» располагается выше по иерархии норм и определяется как основная, предполагающая уплату пошлин по пониженной ставке. Другие функции определены в понятии «иные судовые двигатели». Следовательно, судовой двигатель, имеющий несколько функций, в том числе и функцию приведения в движение, должен классифицироваться по основной

(двигатель) и не может в соответствии с дополнительной функцией фигурировать в разряде «иной»¹⁷ даже в том случае, если в этом разряде также описана функция двигателя. Учитывая, что двигатель-двигатель относится к позиции ТН ВЭД ЕАЭС со ставкой 0 процентов, Суд посчитал неразумной классификацию «двигателей» и «осветителей» в разряде «иные двигатели». Подобную классификационную норму Суд ЕАЭС признал противоречащей Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор). Согласно п. 111 Статута Суда (приложение №2 к Договору) решение Суда было исполнено и регулирующие положения в настоящее время изменены¹⁸.

Таким образом, последовательное применение трех видов толкования позволило Суду уяснить и разъяснить норму о двигателях, приводящих судно в движение, с целью ее конкретизации и модернизации.

Систематическое толкование основывается на понимании того, что система норм права должна быть свободной от противоречий и каждая норма должна иметь свое место и гармонизировать со всей системой, которая представляет собой не статичную пирамиду определений, правил и исключений, а подвижную конструкцию из ценностей, выраженных в принципах права, обычных нормах, сложившихся на практике, и позитивных нормах, закрепленных в словесной форме.

Следует отметить, что три основных вида толкования, закрепленных в Венской конвенции, дополняются рядом неписаных обычаев-правил, сложившихся в современной судебной практике.

¹⁷ Решения Коллегии Суда от 18 июня 2019 г. и Апелляционной палаты Суда от 31 октября 2019 г. по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Шиптрейд» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 января 2018 г. №15 «О классификации судового дизельного двигателя в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

¹⁸ До изменения текст указанного решения Комиссии был следующим: «Судовой дизельный двигатель, предназначенный для вращения ротора электрогенераторной установки, электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируется в субпозиции 8408 90 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза». Решением Коллегии ЕЭК от 29 января 2020 г. №20 из приведенной нормы исключены слова «электрическая энергия которой используется как для обеспечения жизнедеятельности судна, так и для обеспечения электродвигателей, приводящих в движение судно».

Прежде всего, следует помнить о правиле «благожелательного отношения» к нормам международного права. Термин возник из практики немецких судов¹⁹ (*Völkerrechts freundlichkeit*). Его ядром является презумпция соответствия законов нормам международного права. В намерения законодателей не может входить нарушение принятых государством на себя обязательств, заключенных в международные нормы. В случае противоречия между национальной и международной нормой первая толкуется в пользу второй в пределах возможного. Толкование не должно разрушать национальную систему и не должно приводить к нарушению обязательств по международному праву. Иными словами, толкование не должно провоцировать обострение коллизии правовых норм, но должно представить правило ее урегулирования. Точно так же должно проводиться и толкование коллизий закона и конституции – в пользу последней, но если это невозможно, то норма закона признается ничтожной. В свою очередь, любая норма недействительна, если она противоречит императивной международной норме *jus cogens* (ст. 53 Венской конвенции).

К дополнительным обычным правилам толкования следует отнести преимущество специальной нормы перед общей; преимущество нового писаного правила перед устоявшимся обычным; ограничительное толкование исключений или исчерпывающих перечней. Кстати, некоторые национальные суды (опыт Германии) не считают последнее правило абсолютным, учитывая цели закона и для исключений²⁰.

Итак, суд должен последовательно использовать грамматический, телеологический и систематический виды толкования для установления единообразного применения правовой нормы. В результате такого толкования происходит коррекция, актуализация или модернизация правовой нормы, которая сама по себе сохраняется. Толкование в этом случае лишь придает ей конкретный смысл: вспомним, что ставка таможенной пошлины 0 процентов соответствует любым двигателям, приводящим судно в движение, вне зависимости от дополнительных функций этих двигателей (норма скорректирована).

¹⁹ Доклад судьи Федерального суда по социальным спорам ФРГ Р. Шлегеля на конференции «Диалог председателей и судей верховных судов России и Германии. Основной закон Германии 1949 года и Конституция России 1993: новый правовой и политический старт двух свободных государств», Лейпциг, 28–29 октября 2019 г.

²⁰ Шмагин А. Основы немецкой методики толкования права // Вестник гражданского права. 2012. №4. С. 247–284.

В то же время норма об иных двигателях по решению Суда модернизирована: регулирующий орган исключил из формулы об «иных» двигателях квалифицирующий признак «приводящий в движение».

Актуализация нормы по решению суда возможна в случае спорных ситуаций, касающихся как регулирующих органов Союза, так и органов государств-членов.

Например, ООО «Ойл Марин Групп» обратилось в Суд с жалобой на бездействие ЕЭК, не реагировавшей на практику национальных таможенных органов, не соответствующую Договору. ЕЭК утверждала, что проверка практики не входит в ее компетенцию. Суд установил, что целью Комиссии является поддержание единообразного применения права Союза, что предполагает контроль за практикой применения норм права ЕАЭС. Суд удовлетворил заявление ООО «Ойл Марин Групп» и признал бездействие ЕЭК не соответствующим Договору²¹.

В другой ситуации национальный орган государства-члена воспринял судебное толкование терминов «запрет» и «дозволение» в Договоре²² и впоследствии в национальном законе принял ту формулу, которую предложил к прочтению Суд²³. Термины «запрет» и «дозволение» использовались судом в строгом грамматическом и юридическом смысле, что позволило не допустить законодательного расширения этих понятий. В этом случае Суд выступил «негативным» законодателем²⁴.

Однако в том случае, когда прочтение нормы судом выявляет не недостатки правового регулирования, а его отсутствие или из-

²¹ Решение Коллегии Суда ЕАЭС от 11 октября 2018 г. по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп».

²² Консультативное заключение от 4 апреля 2017 г. по делу по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении положений статей 74 и 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., подпункта 2 пункта 6 раздела II Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение №19 к Договору).

²³ Закон Республики Беларусь от 8 января 2018 г. №98-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции”».

²⁴ В доктрине функция Суда – «негативного» законодателя оценивается неоднозначно (см., например: Толстых В. Л. От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2018. №3 (27). С. 66–76), однако современные суды рекомендуют законотворческим органам определенные стереотипы поведения.

быточность, трех вышеуказанных видов толкования может оказаться недостаточно.

В этом случае суд, вынужденный заполнять правовую лакуну или указывать на избыточное регулирование, прибегает к иным, дополнительным видам толкования – доктринальному, историческому, социологическому. Сразу оговоримся, что использование этих типов (видов) толкования вызывает достаточно активные дискуссии в научно-юридических кругах, возможно, в связи с активным желанием защитить собственное поле деятельности. Как правило, решения суда, использовавшего в своих актах дополнительно-доктринальное толкование, подробно исследуют и активно критикуют с позиции, что можно было сделать и лучше²⁵, и более научно, с чем, конечно, нельзя не согласиться. В праве, выраженном словом, совершенства добиться невозможно, а суд, как указывалось выше, ограничен как в видах, так и в способах толкования, в них входящих, опосредованных веками.

В этом смысле критические доктринальные исследования в значительной мере помогают уточнять и заполнять правовые пробелы. Так, порой правовые предписания используют научно значимые понятия, но не раскрывают их содержания. Например, понятия «наднационализм», «единая политика» широко определяются в научных работах как с позитивно-определенной, так и отрицательно-критичной точки зрения²⁶.

ЕАЭС – международная организация наднационального типа: государства передали организации управленческо-исполнительные функции в некоторых областях экономических отношений. В том случае, если организация определена как единственный актор в экономической сфере (таможня, торговля, конкуренция на трансграничных рынках и т. д.), ее политика и определяется как «единая», «наднациональная». Но на практике распределение компетенции между наднациональными и национальными органами вызывает вопросы. Так, у Республики Беларусь возник вопрос о том, возможно ли в национальном законе о конкуренции применить термины, касающиеся «вертикальных» соглашений, в отличном от Договора понимании.

²⁵ Право ВТО: теория и практика применения / под ред. Л. П. Ануфриевой. М.: Норма: Инфра-М, 2016. С. 321–334; Толстых В. Л. От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2018. №3 (27). С. 66–76.

²⁶ Lenaerts K., Van Nuffel P. Constitutional Law of the European Union / Ed. by Bray R. London, 2005. P. 11–15.

Суд рассмотрел эту проблему в консультативном заключении от 4 апреля 2017 г. и посчитал возможным в такой ситуации определить наднационализм (единую политику Союза) как 1) введение унифицированного правового регулирования в определенной сфере, 2) передачу государствами-членами полномочий в этой сфере органам Союза. При этом унифицированные нормы, созданные Союзом, обладают прямым действием и должны непосредственно применяться государствами-членами в их истолковании, данном Судом ЕАЭС²⁷. Отсюда Суд сделал вывод, что «вертикальные» соглашения должны определяться в тех параметрах, которые указаны в Договоре.

В решении от 21 февраля 2017 г. Суд, разрешая непростой межгосударственный спор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, решал задачу прежде всего единообразного системного толкования нескольких международных актов, поскольку Правоприменительные органы двух государств по-разному понимали вопросы правовой помощи при признании иностранных документов.

В классическом контексте правовой помощи акты одного государства могут проверяться и легализовываться в ином государстве. Но так ли обстоит дело в случае создания наднационального союза? Точнее, стоял вопрос о том, могут ли органы одного государства-члена перепроверять акты, вынесенные органами другого государства – члена ЕАЭС.

Согласно позиции Суда вопрос был прояснен следующим образом:

1) решения органов Союза – властно-распорядительные акты государственных органов с записью «товары ЕАЭС», формализованные в виде проставления печати, штампа, подписи.

2) такие документы должны признаваться всеми органами Союза по умолчанию и без изъятий (не перепроверяются).

Другими словами, Суд принял решение, что классический механизм правовой помощи в этом случае не действует. Сразу после вступления его решения в силу проблема была ликвидирована в практике таможенных органов. Затем нормотворческий орган Союза – Евразийская экономическая комиссия – выпустила реше-

²⁷ Консультативное заключение от 4 апреля 2017 г. по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении положений статей 74 и 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., подпункта 2 пункта 6 раздела II Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение №19 к Договору).

ние от 7 ноября 2017 г. №139 (имеющее обязательную силу), в котором определила, что к решениям ЕАЭС относятся (подп. а п. 1): «коносамент, накладная, документ, подтверждающий заключение договора транспортной экспедиции, счет-фактура (инвойс), спецификация, отгрузочный (упаковочный) лист или иные транспортные (перевозочные), коммерческие документы, в которые внесена запись «Товары Евразийского экономического союза», заверенная отправителем или декларантом».

Таким образом, в позитивной норме права Союза нашла отражение и была развита позиция решения Суда от 21 февраля 2017 г. Следовательно, правовая позиция получила закрепление в позитивной норме международного права. После вынесения решения по этому делу не только была конкретизирована, модернизирована норма права, но и возникло новое правовое предписание – «не проверяй». Правовая лакуна, породившая разночтения, которые стали причиной межгосударственного спора, была заполнена судебным толкованием с выработкой Судом правовой позиции. Лакуна в праве исчезла, правовое регулирование было дополнено, правовой массив увеличился за счет новой позитивной нормы.

Но в деле по спору Российской Федерации и Республики Беларусь была еще одна особенность: вопросы, которые не были исследованы в решении, были подняты в особых мнениях судей²⁸. Так, в двух особых мнениях по этому делу был поставлен вопрос о юрисдикции, конкретнее – об особенностях регулирования экономических правоотношений с территориями-анклавами (не имеют общей границы с Таможенным союзом), в том числе территориями свободных экономических зон. Именно легализация документов на товары, происходящие с этих территорий, вызывала особые сложности, обусловленные их временным выпадением из территориальной юрисдикции, на что и указывалось в особых мнениях.

В названном решении ЕЭК вопрос о товарах из иных территорий также нашел отражение в подп. б), где указано, что к решениям-декларациям относятся: «декларация на товары, в соответствии с которой товары были выпущены в государстве-члене Союза в соответствии с таможенной процедурой выпуска для

²⁸ Толстых В.Л. «Небесная» и «земная» жизнь Суда Евразийского экономического союза: обзор Решения Суда от 21 февраля 2017 г. по делу о соблюдении Белоруссией Договора о ЕАЭС // Международное правосудие. 2017. №4. С. 18–25.

внутреннего потребления или таможенной процедурой реимпорта, транзитная декларация, подтверждающая ввоз товаров Союза на территорию свободной (специальной, особой) экономической зоны в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, иные документы, используемые в соответствии с законодательством государств – членов Союза для подтверждения статуса товаров Союза в значении подпункта 47 пункта 1 статьи 2 Кодекса, – в случае перевозки товаров с одной части таможенной территории Союза, являющейся территорией свободной (специальной, особой) экономической зоны, указанной в пункте 1 статьи 455 Кодекса, на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза, и (или) морем».

Далее: в особом мнении судьи по этому делу было указано: «В рассматриваемом Судом деле ситуация усугубляется географическим положением Калининградской области, которая представляет собой так называемый “анклав”, то есть часть территории Союза, со всех сторон окруженную территориями государств, не входящих в Союз. <...> В рамках таможенной территории ЕАЭС “анклавами” являются Республика Армения и Калининградская область Российской Федерации. Из-за географического положения анклавов невозможна перевозка товаров с их территории или на их территорию с использованием процедуры транзита только по территории Союза. Однако это не может означать, что анклав оторван от территории ТС и являются зонами, где решения таможенных органов не принимаются или не действуют. Напротив, учитывая приведенную норму статьи 2 ТК ТС, анклав является частью таможенной территории Союза и не могут быть исключены из-под действия положений таможенного законодательства Союза, тем более таких общезначимых норм, как норма о признании решений таможенных органов»²⁹.

Учитывая это особое мнение, ЕЭК в методологиях ведения статистики торговли товарами государств – членов ЕАЭС, утвержденным решением Коллегии ЕЭК от 25 декабря 2018 г. №210 «Об утверждении Методологии ведения статистики взаимной торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза и Методологии ведения таможенной статистики внешней торговли товарами государств – членов Евразийского экономиче-

²⁹ Особое мнение судьи Суда ЕАЭС Т. Н. Нешатаевой от 21 февраля 2017 г. по делу №СЕ-1-1/1-16-БК.

ского союза», указала, что в статистике взаимной торговли и внешней торговли товарами не подлежат учету товары, перемещаемые между государством-членом и его территориальными анклавами, искусственными островами, установками, сооружениями, иными объектами, находящимися за пределами его территории, в отношении которых государство-член обладает исключительной юрисдикцией (подп. к) п. 8 Методологии).

В другом акте Суда ЕАЭС – консультативном заключении от 20 декабря 2018 г. – Суд использовал историческое толкование по отношению к развитию законодательства о пенсиях государственных служащих в государствах – членах ЕАЭС и пришел к выводу, что стаж работы в международных (межгосударственных) организациях должен включаться в стаж государственной гражданской службы.

На основе данного консультативного заключения должностные лица и сотрудники органов ЕАЭС подали иски в национальные суды об исчислении стажа государственной службы в целях пенсионного обеспечения с учетом стажа работы в международной организации.

Таким образом, правовые позиции, сформулированные в решениях Суда и в особых мнениях, учтены регулирующим органом в решениях ЕЭК и включены в наднациональное право Союза³⁰, равно как и исполняются в национальных правовых системах: законодательстве и судебной практике.

В приведенных в качестве примера актах Суд дополнил формулы правовых предписаний путем их уточнения, то есть конкретизировал понятия «наднационализм» и «международная (межгосударственная) служба».

Однако возможна ситуация, при которой судебное толкование позволит обнаружить избыточность правового регулирования, не соответствующую принципиальным нормам права Союза.

Так, используя дополнительные виды толкования, в консультативном заключении от 7 декабря 2018 г. Суд уведомил об избыточности правового регулирования труда спортсменов в Российской Федерации, устанавливающего ограничение для участия в соревнованиях. Суд указал: «Не допускается установление в законо-

³⁰ Шулятьев И. А., Шкурченко Н. В. Имплементация норм права Евразийского экономического союза в законодательство государств – членов ЕАЭС // Международное экономическое право. 2017. №3. С. 3–13.

дательстве государств-членов и локальных актах организаций физической культуры и спорта, а также применение действующих количественных ограничений к профессиональным спортсменам, являющимся гражданами государств – членов Союза, в отношении осуществляемой ими трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания». Суд установил, что подобные ограничения противоречат норме прямого действия – пункту 2 статьи 97 Договора, подлежащей непосредственному применению.

Системное толкование норм Договора позволило Суду прийти к выводу, что в соответствии со статьей 3 Договора государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза, к числу которых в силу статьи 4 Договора относится стремление к формированию единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза. При таких обстоятельствах неприменение государствами-членами пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществляемой профессиональными спортсменами, являющимися трудящимися государств-членов, трудовой деятельности в организациях физической культуры и спорта государства трудоустройства, является барьером, препятствующим достижению цели формирования единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза.

В настоящее время в целях реализации правовой позиции, содержащейся в консультативном заключении Суда ЕАЭС, в Российской Федерации приказом Министерства спорта соответствующие ограничения сняты с 1 июля 2020 г.³¹

В завершение хотелось бы рассмотреть проблему толкования норм обычного права – наиболее сложную задачу в судебном процессе. По своей природе обычные нормы (правила поведения неписанные, возникшие на практике), как и нормы договоров, – результат соглашения участников правотворческого процесса. В международном праве это, в первую очередь, соглашения государств и международных организаций. И обычные, и договорные нормы обладают равной юридической силой. Разница между ними заключается в оформлении (писаная / неписаная норма) и в про-

³¹ См., например: Приказ Министерства спорта Российской Федерации от 3 декабря 2019 г. №1022 «О внесении изменений в приказ Минспорта России от 14 августа 2015 г. №732 “Об утверждении ограничений на участие спортсменов, не имеющих права выступать за спортивные сборные команды Российской Федерации, во всероссийских спортивных соревнованиях по виду спорта “футбол”».

цессе выражения согласия (переговоры / повторяющееся поведение). Однако если обязательность договорных норм для суда формализована письменной формой, то обычную норму необходимо устанавливать в каждом конкретном случае. Отсюда возникло правило, в первую очередь в системе общего права, о том, что обычная норма подчиняется правилу *stare decisis* (следовать ранее решенному).

Иными словами, обычная норма применяется, если она была применена судами ранее. Кроме того, суд применяет обычные нормы в последнюю очередь, в случае отсутствия писанных правил. В литературе неоднократно отмечалось, что международные обычные нормы действуют «на периферии», «в промежутках» права³². Тем не менее суды в необходимых спорных случаях применяют и обычные нормы, причем исключительно самостоятельно, не обращаясь к законодательным или исполнительным органам власти. Подобная инициативность суда (активизм) также вызывает неоднозначную реакцию юридической общественности, но, как следствие, зачастую приводит к серьезным изменениям в позитивном праве³³. Примером таких изменений является применение обычных норм об эстонпеле (потере права на возражение) в процессуальном смысле³⁴. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в споре о реализации мирового соглашения применил правило об эстонпеле, что впоследствии получило широкое освещение в научной литературе³⁵, а затем эта судебная позиция закрепились в позитивном праве³⁶.

Таким образом, необходимо отметить, что судебная позиция с использованием любых источников права может привести к развиту позитивного права или созданию новой обычной нормы. Последняя возникает как юридически обязательное правило после многократного повторения судебной позиции в практике лиц и органов, применяющих ее для реального урегулирования общественных отношений.

³² Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 141.

³³ Каранетов А. Г. Эстонпель на оспаривание договора по п. 2 ст. 431.1 ГК. URL: https://zakon.ru/blog/2016/6/7/estoppel_na_osparivanie_dogovora_po_p2_st4311_gk.

³⁴ Там же.

³⁵ Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Принцип эстонпель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. М.: Статут, 2014.

³⁶ Например, п. 2 ст. 166, п. 5 ст. 166, п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ. Подробнее см.: Каранетов А. Г. Указ. соч.

Библиографический список

Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.

Лукашук И. И. Международное право в судах государств. СПб.: Россия – Нева, 1993. 300 с.

Право ВТО: теория и практика применения / под ред. Л. П. Ануфриевой. М.: Норма: Инфра-М, 2016. 528 с.

Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. М.: Статут, 2014. 159 с.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русск. яз., 1985–1988. 702 с.

Смирнов А. В., Манукян А. Г. Толкование норм права. М.: Проспект, 2008. 143 с.

Толстых В. Л. «Небесная» и «земная» жизнь Суда Евразийского экономического союза: обзор Решения Суда от 21 февраля 2017 года по делу о соблюдении Белоруссией Договора о ЕАЭС // Международное правосудие. 2017. №4. С. 18–25.

Толстых В. Л. От апологии к апологии: некоторые общие проблемы деятельности Суда Евразийского экономического союза // Международное правосудие. 2018. №3 (27). С. 66–76.

Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. 168 с.

Шмагин А. Основы немецкой методики толкования права // Вестник гражданского права. 2012. №4. С. 247–284.

Шулятьев И. А., Шкурченко Н. В. Имплементация норм права Евразийского экономического союза в законодательство государств – членов ЕАЭС // Международное экономическое право. 2017. №3. С. 3–13.

Anweiler J. Die Auslegungsmethoden des Gerichtshofs der Europäischen Gemeinschaften. Frankfurt am Main, 1997. Pp. 553–554.

Gray J. The Nature and Sources of the Law. 2 ed. 1921. 226 p.

Lenaerts K., Van Nuffel P. Constitutional Law of the European Union / ed. by R. Bray. London, 2005. 969 p.